

17 марта 1982 г. № 22 (5550) ◆

ВЫСТАВКИ

Б Ы Т Ь

НЕОЖИДАННЫМ

Творческая жизнь народного художника РСФСР Александра Павловича Васильева — это пять десятилетий работы в искусстве. Это сцены театров областных городов, театров имени Моссовета, МХАТа и Малого, Большого и сатиры, имени М. Н. Ермоловой и А. С. Пушкина, К. С. Станиславского и Ленинского комсомола. Это более ста пятидесяти постановок, осуществленных в содружестве с виднейшими режиссерами, многие из этих постановок стали событиями в театральной жизни страны. И параллельно с театральной деятельностью все эти годы идет у него работа в графике и живописи: художник неизменно ищет, экспериментирует, осмысливает достигнутое, думает о предстоящем. Взятую им для себя девизу «Меняйся!» он следует всю свою творческую жизнь. Он меняется и сегодня — с удивительной для уже сложившегося мастера подвижностью, в основе которой лежит неутолимая жажда художественного познания окружающего мира и самого себя.

В эти дни у Васильева праздник: в залах Академии художеств развернута его персональная выставка, представшая перед зрителем как интереснейший «спектакль» его творчества. Этот «спектакль» поистине уникален — многожанровый и динамичный в своем развитии. И самым неожиданным оказался сегодня идущий «акт» васильевского творчества, последнее десятилетие его трудов.

Театр и живопись — две неразрывно связанные, неразделимые стороны сегодняшнего искусства Васильева: живопись в театре и театр в живописи — таковы главные проблемы его творчества.

Начиная с постановок пьес Островского «Лес» и «Последняя жертва», осуществленных еще в 1973 году в Малом театре и Театре имени Моссовета, и вплоть до последней своей премьеры — «Волки и овцы», только что показанной Театром на Малой Бронной, художник вносит в свое искусство сценографа элементы свободной и веселой игры. Его живописные задники-картины, сменяемые в каждом действии, сразу же захватывают внимание: изображенное на них пространство и вещественный мир кажутся не нарисованными, а реальными.

А затем, когда это «разгадывается», предложенная художником игра вызывает улыбку, радость от той свободы и непринужденности, с которой он позволил себе (и увлек этим нас, зрителей) нарушить, казалось бы, незыблемые и непреложные правила «серьезного» театра. Ибо по правилам «серьезного» театра, к какому бы направлению он ни относился, столь невероятное соединение вполне реальной обстановки, среди которой актеры существуют также вполне реально, с плоскостными изображениями — повествователь-

ными картинами, считалось невозможным. Но оно оказалось возможным по законам другого театра — гротескного, фольклорного, где все допустимо и все уместно, — все, что необходимо для игры актеров и для представления пьесы.

В этом суть искусства Васильева, когда мы говорим о его живописи в театре.

Что же касается второй линии его искусства — театр в живописи, — то она образует содержание и смысл всего станкового творчества художника, каким оно складывается в последние годы. Здесь в своих картинах Васильев сам себе и драматург, и режиссер, и декоратор. А кто только ни выступает у него в качестве «исполнителей» сочиняемых им пластических сюжетов! Это предметы типа, например, деревянных крестьянских толкушек, раскрашенных и разрисованных. Они — своего рода безымянные, но красноречивые персонажи той или иной выдуманной художником сцены, серьезной и забавной, лирической или комической, происходящей в крестьянской избе и на европейском курорте, на Волге и в приморском парке, в далеком XVIII веке и у него в мастерской.

Это и вещи специфического театрального обихода: так складываются у него огромные многопредметные натюрморты из атрибутов актерского быта, сценических костюмов, искусственных драгоценностей, театральных фотографий, гримировальных принадлежностей. И, конечно, это люди. Реальные сегодняшние юноши и девушки, которых художник одевает в театральные костюмы и помещает в театрализованные ситуации, и, напротив, актеры, которых изображает хотя и в костюмах, париках, гримах их ролей, но всегда в бытовых (а не сценических) ситуациях театральных закулис: во время антракта, в перерывах между выходами на сцену, за разговором о повседневных делах, за партией шахмат...

Итак, своего рода станковый театр — это еще один «акт» того «спектакля», который составляет творчество Васильева. Разумеется, в его искусство входят и просто портреты, и проникновенные лирические пейзажи, и многочисленные прелестные букеты полевых цветов, и всякого рода живописные реминисценции на темы искусства великих художников прошлого. Но тем не менее главная примечательная особенность Васильева на нынешнем этапе творчества — это его станковый театр.

Вместе с тем, судя по всему, Васильев вовсе не собирается на этом останавливаться. Вполне возможно, впереди нам предстоит еще какой-либо «акт» его творческих поисков. Каким он будет — предсказать трудно. Хорошо бы опять неожиданным!

В. БЕРЕЗКИН.

● А. ВАСИЛЬЕВ. «Два букета на белом фоне».

